

Приход Св. Великомученицы Екатерины ПРИХОДСКОЙ ЛИСТОК № 13-03

20 АПРЕЛЯ по новому стилю - 7 АПРЕЛЯ по старому стилю

Неделя 6-я, ваий (цветоносная, Вербное воскресенье). Вход Господень в Иерусалим. Прп. Георгия исп., митр. Митиленского (после 820). Прп. Даниила Переяславского (1540). Мч. Каллиопия (304). Мчч. Руфина диакона, Акилины и с ними 200 воинов (ок. 310). Прп. Серапиона монаха. Флп. IV, 4-9, Ин. XII, 1-18.

НА ПУТИ В ВИФАНИЮ И ИЕРУСАЛИМ

прот АЛЕКСАНДР Шмеман

Шестая и последняя неделя Великого Поста называется Вербной (неделя Ваий, по-славянски). На протяжении шести дней перед Лазаревой Субботой церковное богослужение дает нам как бы следовать за Христом в дни, когда Он сначала возвещает смерть своего друга Лазаря, а затем начинает восхождение в Вифанию и в Иерусалим. Общий тон и тема этой седмицы даются нам на воскресной вечерне. Это называется "посетил Господь". Чем? Горем? Больше, чем горем, - вдруг открыл истинную сущность вещей, - и увидели мы, с одной стороны, мертвый скелет живого, мертвый костяк, облеченный плотью, мертвенную землю и мертвенное небо, мертвенность всего творения, а с другой стороны, одновременно с этим, увидели мы животворящий, огненный, все пронизывающий и все пополающий и утешительный Дух.

Шестую от честных постов седмицу С усердием начиная шестую неделю усердно начинающе, Господеву Великого Поста, принесем, верующие, предпразднственное пение ваий принесем предпразднственное пение Господу, идущему вернии: грядущему во славе, силою в божественной славе и силе в Иерусалим Божества во Иерусалим, умертвити умертвить смерть... смерть...

В центре внимания находится Лазарь — его болезнь, смерть, горе его родных и то, как Христос все это воспринимает.

В понедельник мы слышим:

Днесь Христу является об одну страну Сегодня Христос, ходящий по ту сторону Иордана ходящу, болезнь Лазарева... Иордана, провидит болезнь Лазаря...

Во вторник: *Вчера и сегодня Лазарь болен...*

В среду:

Днесь Лазарь умерый погребается и рыдания Сегодня погребается умерший Лазарь и поют его сродницы... рыдают его сродники...

В четверг:

Дводенствует днесь Лазарь умерый... Сегодня уже два дня, как Лазарь умер...

И наконец в пятницу:

Заутра бо Христос приходит оживити Завтра Христос придет воскресить из глаголом умершаго брата (Марфы и мертвых брата (Марфы и Марию)... Марию)...

Таким образом, в течение всей недели мы духовно созерцаем предстоящую встречу Христа со смертью — сперва со смертью его друга Лазаря, а затем и с Его собственной смертью. Приближается час Сына Человеческого, о котором Он так часто говорил и к которому все Его служение на земле было направлено. Мы должны спросить: каково же значение этого созерцания в великопостном богослужении? Как сопряжено оно с нашим великопостным подвигом?

Эти вопросы предполагают еще один вопрос, которого мы должны кратко коснуться. Вспоминая события жизни Спасителя, Церковь часто, если не всегда, заменяет прошедшее время — настоящим. Так, в день Рождества Христова мы поем: "Дева днесь (сегодня)... рождает..."; в Великую Пятницу: "днесь Он (Христос) стоит перед Пилатом..."; в Вербное Воскресенье: "днесь Он приходит в Иерусалим..." Что же означает эта перестановка времени, это богослужбное сегодня?

Огромное большинство церковных людей понимают это как риторическую метафору, поэтическое образное выражение. Современный подход к богослужению либо рационалистичен, либо сентиментален. Рационалистический подход сводит смысл богослужения к идеям. Корни его в том богословии, которое развилось на Православном Востоке под влиянием западного, в послеотеческую эпоху. Для этого рода богословия богослужение в лучшем случае сырой материал для чисто интеллектуальных определений. То, что в богослужении не может быть определено как интеллектуальная реальность, называется "поэзией", т. е. чем-то, что не должно приниматься всерьез. А так как ясно, что события, воспоминаемые Церковью, относятся к прошлому, то богослужебному сегодня не придается серьезного значения.

Сентиментальный подход является результатом индивидуального эгоцентричного благочестия, которое во многих отношениях служит противовесом интеллектуальному богословию. Для такого рода благочестия богослужение служит полезной рамкой для личной молитвы, вдохновляющим фоном, цель которого — "согреть" наше сердце и направить его к Богу. Содержание и значение служб, богослужебные тексты, обряды и действия здесь имеют второстепенную важность; они полезны и соответствуют своему назначению, поскольку они заставляют меня молиться! Таким образом, богослужебное сегодня растворяется здесь, как и все другие богослужебные тексты, в какой-то недифференцированной, благочестиво вдохновенной молитве.

Благодаря долгой поляризации нашего церковного сознания между этими двумя "подходами", очень трудно показать, что настоящее богослужение не может сводиться ни к одному из этих "подходов" — ни к идеям, ни к личной молитве. Нельзя прославлять идеи! А про личную молитву разве не сказано в Евангелии: "... когда молишься, войди в комнату свою и, затворив дверь твою, помолись Отцу твоему, Который втайне..." (Матф. 6,6). Самое понятие богослужебного воспоминания подразумевает одновременно и определенное событие, и нашу общую, соборную реакцию на него. Совершение богослужения возможно, только если люди собираются вместе и, побеждая свое естественное разъединение и обособленность, реагируют как одно тело, как единая личность на какое-либо событие (приход весны, свадьбу, похороны, победу и т.п.). Естественное чудо всякого празднования заключается именно в том, что оно преодолевает, трансцендирует, хотя бы на время, как просто "идеи", так и индивидуализм. Действительно, во время богослужения забываешь самого себя и соединяешься с другими особенным, только этому единству присущим образом. Каково же в свете сказанного значение богослужебного ныне (сегодня), которым Церковь вводит нас во все события? В каком смысле события прошлого воспоминаются ныне?

Без преувеличения можно сказать, что вся жизнь Церкви составляет одно непрерывное поминовение и воспоминание. В конце каждой службы мы перечисляем имена святых, "память которых мы совершаем". Прежде же всего, сама Церковь есть воспоминание Христа. С чисто естественной точки зрения, память — способность двузначная. Воспоминать кого-нибудь, кого мы любили и кого больше нет, означает две вещи. С одной стороны, память — это гораздо больше, чем просто знание того, что было. Когда я вспоминаю моего отца, я вижу его; в моей памяти он сохраняется не как все то, что я о нем знаю, но как живая реальность. В то же время эта самая реальность заставляет меня так остро чувствовать, что его больше нет, что никогда больше на этом свете, в этой жизни я не коснусь этой руки, которую я так ясно вижу в своей памяти. Таким образом, память — самая удивительная и в то же время самая трагическая из всех человеческих способностей, т. к. ничто так не показывает нам ущербленную природу нашей жизни, невозможность для человека что-либо действительно хранить, чем-нибудь действительно обладать на этом свете. Память являет нам, что "смерть и время царят на земле". Однако именно потому, что память присуща только человеку, христианство в нем имеет свою основу, ибо в сердцевине его — память об одном Человеке, об одном событии, об одной ночи, в глубине и тьме которой нам было сказано: "Сие творите в Мое воспоминание". И вот, происходит чудо! Мы вспоминаем Его, и Он здесь, не как туманный образ прошлого, не как грустное "никогда больше", но с такой силой присутствия, что Церковь может вечно повторять то, что сказали ученики после Его явления в Еммаусе: "... не горело ли в нас сердце наше?" (Лука 24,32).

Природная память есть, прежде всего, "присутствие отсутствия", ибо, чем более тот, кого мы вспоминаем, "присутствует", тем острее боль его отсутствия. Но во Христе память вновь получила силу исцелять время, разорванное грехом, смертью, ненавистью и забывчивостью. И сердцем этого богослужебного празднования, этого богослужебного "сегодня" является именно эта новая память, имеющая власть над временем, и она стоит в центре богослужебного празднования литургического "днесь". О, конечно, святая Дева не рождает Младенца сегодня, никто "фактически" не стоит перед

Пилатом; и, как "факт", события эти принадлежат прошлому. Но сегодня мы творим память этих фактов, Церковь и есть, прежде всего, дар и сила этого воспоминания, которое претворяет факты прошлого в вечно знаменательные события. Богослужбное празднование, таким образом, вновь вводит Церковь в событие, и это значит — не только в "идею" события, но в его радость и печаль, в его живую, конкретную реальность. Одно — знать, что, когда распятый Христос возгласил: "Боже мой, Боже мой, для чего (векую) Ты Меня оставил?" — Он проявил Свой "kenosis", свое смирение. Но совсем другое, когда мы ежегодно, в единственную из всех Пятниц вспоминаем эти слова, и не умствуя, с полной уверенностью знаем, что, произнесенные однажды, они вечно остаются действенными, так что никакая победа и слава, никакой "синтезис" никогда не изгладят их. Одно — объяснять, что воскресение Лазаря было "уверением", т. е. удостоверением общего воскресения. Но совсем другое — творить память день за днем, на протяжении целой недели, этого постепенного приближения встречи жизни и смерти, становиться частью его, видеть собственными глазами, чувствовать всем своим существом то, что передают нам слова апостола Иоанна: "Иисус... воскорбел духом и... прослезился" (Иоанн 11,33— 35). Для нас все это случается сегодня. Мы не были тогда в Вифании, у гроба, вместе с плачущими сестрами. Мы только знаем об этом из Евангелия. Но сегодня в церковном богослужении этот исторический факт стал событием для нас, для меня, силой в моей жизни, памятью, радостью. Богословие не может идти дальше "идеи", мысли. И, с точки зрения "идеи", смысла, зачем нужны эти долгие пять дней, когда так просто сказать только: "чтобы подтвердить общее воскресение"? Но в том-то и дело, что сама по себе эта фраза ничего не подтверждает. Действительное подтверждение исходит из богослужения этих пяти дней, когда мы, как свидетели, присутствуем при смертельной схватке жизни и смерти и начинаем не столько понимать, сколько соучаствовать и видеть, как Христос побеждает смерть.

Воскрешение Лазаря, изумительное празднование этой единственной субботы, уже вне Великого Поста. В пятницу, накануне, мы поем: "Душеполезную совершив четыредесятницу..." ("закончив полезный для души сорокадневный пост..."). В богослужбных терминах Лазарева Суббота и Вербное Воскресенье суть уже "предначинание Креста". Последняя неделя Великого Поста есть, в сущности, непрерывное предпразднество этих дней, и потому ~ последнее откровение значения Великого Поста. В самом начале этой книги мы сказали, что Великий Пост — это приготовление к Пасхе; однако, на самом деле, в нашей обычной и ставшей уже ; привычной жизни это приготовление остается номинальным, отвлеченным. Великий Пост и Пасха стоят как бы рядом, каждый на своем месте, но без настоящего понимания их связи между собою и зависимости друг от друга. Даже если Великий Пост не рассматривается всего лишь как время исполнения ежегодных обязанностей исповеди и причастия — раз в год! — его все-таки почти всегда воспринимают как индивидуальный, на себя обращенный личный подвиг. Другими словами, что действительно отсутствует в обычном опыте Великого Поста — это именно физическое и духовное усилие, направленное на наше участие в "сегодня" Христова Воскресения, направленное, иными словами, не на отвлеченную мораль, не на стремление к личному исправлению или обузданию страстей, и даже не на личное самосовершенствование, но на участие в высшем и всеобъемлющем сегодня Христа. Христианская духовность, не направленная к этой цели, рискует стать псевдо-христианской, потому что в конечном счете она обращена на себя, а не на Христа. Опасность здесь состоит в том, что когда "храмина" сердца очищена, убрана, освобождена от нечистого духа, жившего в ней, она остается пуста, и нечистый дух возвращается, взяв... "с собой семь других духов, злейших себя, и вошедши живут там; и бывает для человека того последнее хуже первого" (Лука 11,26). В этом мире все, даже "духовность", может быть от диавола. Поэтому так важно восстановить значение и нарастание Великого Поста как подлинного приготовления к великому сегодня Пасхи. Теперь мы уже знаем, что Великий Пост состоит из двух частей. До Крестопоклонного Воскресенья Церковь призывает нас сосредоточиться на своей собственной душе, призывает к борьбе с плотью и страстями, злом и другими грехами. Но даже пока мы это делаем, Церковь постоянно зовет нас устремляться вперед, измерять и основывать наш подвиг на "чем-то лучшем", что нас ждет впереди. Затем, после Крестопоклонного Воскресенья, средоточием постного подвига становится тайна страданий Христовых, Его Креста и смерти, и сам Пост становится "восхождением в Иерусалим".

Наконец, в последнюю седмицу этого приготовления, мы начинаем творить память самой тайны. Постный подвиг помог нам отложить в сторону все, что обычно постоянно заслоняет главную цель нашей веры, надежды и радости. Само время как бы приходит к концу. Теперь оно измеряется уже не обычными нашими делами и заботами, а тем, что совершается на пути в Вифанию и дальше, в Иерусалим. Повторим еще раз — это не риторика. Каждому, кто приобщился подлинному опыту

богослужения, — пускай хоть раз в жизни, пускай несовершенно, — становится ясно, что с того момента, когда мы слышим: "Веселися Вифания, дом Лазаря..." и затем... "Заутра Христос приходит...", внешний мир становится как бы нереальным, и нам почти боль причиняет соприкосновение, неизбежное, с его суетой. Реальность — там, в церкви, где с каждым днем мы все больше осознаем, что означает ждать и почему христианская вера есть, прежде и больше всего, ожидание и приготовление. Так, когда в пятницу за вечерней мы поем: "душеполезную совершив четыредесятницу", — мы не только исполнили ежегодную христианскую "обязанность", мы восприняли всей душой слова, которые мы будем петь на следующий день:

*Лазарем ты Христос уже разрушает, Лазаревым воскресением Христос уже
Смерте, и где твоя, аде, победа... разрушил тебя, Смерть, и где твоя, Ад,
победа?..*

У СТЕН ЦЕРКВИ (отрывки)

СЕРГЕЙ Фудель

Подвиг жизни в христианстве не может быть каким-то посильным страданием. Но страдание в христианстве - это только неизбежность родов, процесса мучительного, но радостного по результатам. "Жена, когда рождает, терпит скорбь, потому что пришел час ее; но когда родит младенца, уже не помнит скорби от радости, потому что родился человек в мир" (Ин. 16, 21).

И наше христианство проверяется этим сочетанием: рождается ли в нас уже теперь, сейчас, "этот младенец радости"? "Ибо по мере как умножаются в нас страдания Христовы, умножается Христом и утешение наше" (2 Кор. 1, 5).

Когда мы ожесточаемся и то и дело брюзжим по всякому поводу, - это очень опасный признак. Надо иметь, если не радость, то хотя бы благодушие, а если не благодушие, то хотя бы юмор к своим напастям и искушениям. В глазах Христовых наше "интеллигентское изнеможение" от жизни есть уже какой-то отказ от креста. Первую историческую Церковь Он хвалит в таких словах: "Ты много переносил и имеешь терпение, и для имени Моего трудился и не изнемогал" (Откр. 2, 3).

* * *

О. Валентин Свенцицкий говорил мне: "Вот мы учим о любви и смирении, а случись, что нам в автобусе наступят на ногу, и мы тотчас же этого человека ненавидим".

Смирение на словах есть порождение гордости, учили отцы. Всякий, стремящийся к христианскому мышлению, без большого труда, а иногда с каким-то большим удовольствием скажет о себе, что он "великий грешник", или на просьбу о молитве ответит по утомительному стандарту: "Моя молитва недостойная". Но попробуйте сказать о себе искренно: "Я просто нехороший человек" или я нечистый человек" - и вы поймете, как это трудно, может быть даже непосильно.

* * *

Да! Иногда неудержимая благодарность наполняет сердце за жизнь, за эту Землю, - "подножие ног Его", за каждую улыбку, встреченную где-нибудь на улице.

Идешь иногда в магазин и, точно после причастия, шепчешь: "Слава Тебе, Боже, Слава Тебе, Боже".

Мы видели много зла в мире и в церковной ограде, а еще больше в самих себе. Но вот почему-то в душе остаются одна благодарность и одна надежда. Наверно, потому, что Господь Бог наш "все покрывает, всему верит, всего надеется", и наше воздыхание о правде, может быть, принимает за самую правду. Такова Его милость! Как говорил Макарий Великий, "душа присозидается к Церкви не потому, что сделала, а потому, что возжелала". Господи! Пусть будет так?

ПОЗДРАВЛЯЕМ

МАРИЮ Тимофееву и МАШЕНЬКУ Тищенко с именинами!

ПОМОЛИТЕСЬ, ПОЖАЛУЙСТА, О ЗДРАВЬИ

о. ПЕТРА Зуева, ВЕРЫ Печеной.